

В. Папава,
член-корреспондент АН Грузии

НЕКРОЭКОНОМИКА – ФЕНОМЕН ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Экономика, как таковая, изучена достаточно основательно. На должном уровне разработана экономическая теория. Несмотря на это, современные реалии и прежде всего процесс посткоммунистической трансформации поставили на повестку дня новые нерешенные проблемы. Целью настоящей статьи является вычленение такого сегмента посткоммунистической экономики, который не только не является объектом исследований экономической теории, но можно сказать, что сам факт его существования даже не был замечен экономистами. Прежде чем непосредственно перейти к данному вопросу, вкратце напомним читателю некоторые основные моменты экономической теории.

Экономика (или иначе, народное хозяйство, национальная экономика) не что иное как использование редких ресурсов для производства ценных благ и распределение их между людьми. В зависимости от того, кто принимает решения – отдельные лица и частные фирмы или государство – соответственно, различают рыночную и командную экономики. Ни одна из них в чистом виде в современном мире не существует, решения, как правило, принимаются как отдельными лицами и частными фирмами, так и государством. В экономической теории основное внимание уделяется рыночной экономике и практически не рассматриваются проблемы командной экономики; что же касается проблем смешанной экономики, их изучение по большей части имеет прикладной характер.

В экономической теории так же, как в других областях науки, применяется т.н. иерархический подход. Традиционно экономику страны принято рассматривать как двухуровневую систему.

Нижний уровень, т.е. микроэкономика, охватывает поведение домашних хозяйств и фирм, их взаимовлияние в процессе принятия решений, и ее изучает микроэкономическая теория (микроэкономикс). Поведение экономики всей страны характеризует верхний уровень, т.е. макроэкономику, которую через выявление тенденций экономического роста, изменения инфляции, занятости, внешней торговли и т.п. изучает макроэкономическая теория (макроэкономикс). При рассмотрении экономики в мировом масштабе выделяется еще один уровень – мегаэкономика. Объектом изучения мегаэкономической теории (мегаэкономикса) являются международные интеграционные процессы

экономики, динамика мировой экономики и т.д. Из этих трех уровней наиболее разработанными являются микро- и макроэкономическая теории.

Относительно малоизученной на всех трех уровнях экономики является ее “теневая”, т.е. неучтенная государством часть.

«Белое пятно» экономической теории. Посткоммунистический переходный период от командной системы к рыночной содержит в себе и такой новый феномен, который до сих пор не был объектом специальных исследований, так как никогда не был вычленен как самостоятельная часть экономики. С целью ее идентификации необходимо вспомнить, какой была материально-техническая база командной экономики.

Командная экономика по своей природе в корне исключает конкуренцию в любой форме ее проявления как внутри, так и вне страны. Большинство стран с командной экономикой были объединены в единое экономическое пространство (наиболее наглядным примером тому служит Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), которое существовало сорок лет и в рамках которого действовал единый координационный орган. Что же касалось экономического сотрудничества со странами рыночной экономики, то оно осуществлялось в ограниченных масштабах и регулировалось исключительно на правительственном уровне.

Отрицание конкуренции в командной экономике уничтожило единственный действенный стимул экономического развития, в результате чего, как правило, производилась низкокачественная продукция, цена которой была искусственно занижена за счет дотаций из государственного бюджета. Основным же источником поступлений в государственный бюджет СССР была выручка от продажи алкогольных напитков; практически единственным путем получения стабильной иностранной валюты была продажа сырья (прежде всего нефти) странам с развитой рыночной экономикой.

На основе изучения и обобщения основных черт сформировавшейся при коммунистическом режиме в Польше командной экономики А. Липовски приходит к заключению, что когда весь мир поделен на “развитые” и “развивающиеся” страны, ни к одной из них страны с командной экономикой не могут относиться; для их характеристики он вводит термин “ошибочным путем развитые” (“Misedeveloped”) страны. В них:

- доля промышленности в валовом внутреннем продукте весьма высока из-за низкой доли внутренней и внешней торговли и обслуживания;
- значительная часть промышленного производства приходится на производство средств производства, за счет низкого объема производства предметов потребления;
- крайне низок объем производства конкурентоспособной на международном уровне продукции;
- в широких масштабах производится не нужная для потребителя продукция;

- чрезмерно высока доля производства устаревшей продукции в промышленном производстве¹.

Свержение коммунистического режима, крушение командной экономики на фоне мирового рынка “оголило” экономику посткоммунистических стран: за некоторым исключением (в частности, некоторых объектов гидроэнергетики, нефте- и газодобычи и первичной переработки сырья), продукция, произведенная в этих странах, из-за ее низкого качества, или (и) дороговизны оказалась неконкурентоспособной по сравнению с международными стандартами. Рынка для такой продукции не существует и в принципе не может существовать. Экономику такого типа, по нашему мнению, можно назвать “мертвой”, т.е. **некроэкономикой**, а теорию, изучающую ее, – *некроэкономической теорией, некроэкономиксом*.

Вышеотмеченный процесс “оголения” командной экономики А. Липовски характеризует антонимом термину “инвестиция” – “дайвестицией”², под которым понимается “снятие” с посткоммунистической экономики перечисленных патологий “ошибочным путем развитой” экономики³, в результате чего, по нашему мнению, и формируется некроэкономика.

Естественно, что когда какая-то часть экономики “мертвая”, то оставшаяся ее часть будет “жизнеспособной”, которую условно назовем **витальной экономикой**, или **витаэкономикой**, а теорию, изучающую ее, *витаэкономической теорией, витаэкономиксом*.

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ – что общего и чем различаются некроэкономика и витаэкономика?

В некроэкономике так же, как и в витаэкономике можно производить продукт, т.е. практически может иметь место *предложение*, но в отличие от продукта, произведенного в витаэкономике, на продукт, произведенный в некроэкономике, из-за его некачественности, или (и) дороговизны никакого *спроса* нет. Следовательно, **некроэкономика исключает любой рациональный акт купли-продажи**, по своей сути исключено существование и равновесной цены.

Если определенный сегмент экономики мертвый (т.е. невозможно его оживление), тогда, в принципе, и проблемы не должно быть: по здравому смыслу “мертвая” экономика не может иметь никакого влияния на ее “живую” часть. В условиях рыночной экономики это именно так: неконкурентоспособное производство так “исчезает”, что фактически не создает никакой проблемы для остальной части экономики. Именно этим можно объяснить “ограниченность” ареала исследований экономической теории проблемами рыночной экономики, ибо в ней некроэкономика как таковая в принципе отсутствует.

¹ Lipowski A. Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994. Warsaw, 1998, p. 9.

² Drucker P.F. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. Ntw York, 1986; Teylor M.L. Divesting Business Units. Toronto, 1988. DD

³ Llipowski A. Towards Normality., pp., 31-32.

В корне иная ситуация в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации. В них некроэкономика сформировалась на основе материально-технической базы бывшей командной экономики.

«Рутина» – основа воспроизводства некроэкономики. С целью раскрытия механизма взаимовлияния некроэкономики и витаэкономики посткоммунистическую экономику представим в следующем виде:

1. Некроэкономика в государственном секторе.
2. Витаэкономика в государственном секторе.
3. Приватизированная некроэкономика.
4. Приватизированная витаэкономика.
5. Витаэкономика, созданная новыми частными инвестициями.

В первую группу, как правило, входят по преимуществу крупные и средние объекты промышленности, которые исходя из предназначения видов продукции, производимых в них, оценены как стратегические, хотя из-за ее неконкурентоспособности эти предприятия в условиях рынка являются «мертвыми».

Основой витаэкономики, находящейся в государственном секторе, являются предприятия преимущественно энергетики (прежде всего производство и передача электроэнергии, добыча и предложение нефти и газа), транспорта и связи. В случае их приватизации они переходят в четвертую группу – в приватизированную витаэкономику. Эта группа также может включать некоторые средние и преимущественно мелкие объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу входят предприятия из первой группы после их приватизации. Изменение формы собственности само по себе вовсе не означает задействие неработающих предприятий, ибо состояние «покойника» не меняется от того, чьим он является – государства или частной фирмы. **Игнорирование этого факта и является основной причиной относительной дискредитации процесса приватизации**, когда ей, особенно на ее начальной стадии безотносительно и изолированно от процесса инвестирования вменялась функция задействия неработающих предприятий независимо от того, «живым» или «мертвым» было каждое конкретное предприятие в действительности.

Последняя, пятая группа, охватывает наиболее здоровую часть посткоммунистической экономики, которая является вновь созданной по принципам рыночной экономики за счет частных инвестиций. Несмотря на это и здесь есть определенные проблемы, которые требуют соответствующего осмысления. В частности, дело касается некоторых иностранных инвестиций, за счет которых в посткоммунистических странах привлекаются не новейшие, а бывшие в употреблении, относительно устаревшие (точнее, морально устаревшие по мировым стандартам) технологии, которым, по нашему мнению, больше подходит название *«секондхэнд инвестиций»* (*“secondhand shop”* по русскому аналогу – магазин подержанных вещей, или «комиссионка»); **произведенная на их основе продукция конкурентоспо-**

собна только в рамках “возникающих рынков” (“emerging markets”), и то в ограниченном интервале времени – до проникновения на эти “рынки” конкурентоспособных по мировым стандартам товаров.

Следующий вопрос, который назрел для обсуждения: что обуславливает стабильное существование некроэкономики в посткоммунистических странах?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос можно найти исходя из эволюционной теории экономических изменений¹. Основным “инструментом” этой теории является понятие “рутины” (“routines”), под которым подразумеваются сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют его (поведения) воспроизводство². Необходимо отметить, что в русскоязычном переводе вместо термина “рутина” часто используется термин “стереотипы”³, хотя, по нашему мнению, более целесообразно сохранить термин “рутина”, используемый в оригинале.

Именно “рутина”, сформировавшаяся в течение многих десятилетий в недрах командной экономики, и является основным фактором того, что “заставляет” “мертвые” предприятия **работать уже в несуществующем режиме командной экономики**, в результате чего их склады заполнены неконкурентной продукцией, а из-за принципиальной невозможности ее реализации накапливаются безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим предприятиям. В результате создается запутанная сеть взаимной задолженности предприятий⁴.

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор в вышестоящих государственных органах (в руководящих структурах коммунистической партии, Госплана, Министерстве финансов) ставил вопрос об их списании и, как правило, достигал цели. Исходя из этого, при условии существования практически неограниченной (точнее, гарантированной) возможности списания долгов, их накопление не воспринималось как опасное для руководства предприятий. Данный механизм списания долгов является той закрепившейся “рутиной”, которая, к сожалению, периодически проявляется в посткоммунистических странах в различных вариациях “налоговой амнистии”.

“Homo transformativus” и “постдедец”. Человеческий фактор, как правило, имеет решающее значение практически в любом экономическом процессе. “Рутинная”, воспроизводящая некроэкономику, обусловлена поведе-

¹ Nelson R.R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, 1982.

² Мюррел П. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством. В кн.: Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. Под ред. Н.А.Макашевой. М., 1994, с. 69.

³ Там же; Садыгов Ш.М. Макроэкономическое управление и магистральные модели. Баку, сс.12-15.

⁴ Например: Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996, сс. 256-264.

нием того человека, который находится в переходном процессе от сформировавшегося в условиях командной экономики “*homo soveticus*”-а (т.е. человека, подавленного государством и полностью зависимого от него) к типу человека, характерного для рыночной системы – “*homo economicus*” (т.е. человека, побудительными мотивами которого являются получение максимальной полезности в домашнем хозяйстве и – максимальной прибыли в фирме).

Следует отметить, что согласно мнению акад. Л.И. Абалкина “в целом для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума, создания социально-политических и духовно-нравственных начал развития инициативы и предпринимательской этики”, вследствие чего неудивительно, что “отрицание концепции “экономического человека” и попыток рассматривать его изолированно от общества, от среды его обитания можно считать отличительной чертой российского мировоззрения”. Если к сказанному добавить, что “... В.И. Ленин с его учением ... воспроизводил традиции отечественной экономической мысли”¹, то, исходя из данной постановки вопроса, придется признать, что “*homo soveticus*” зарождался в недрах российского мировоззрения.

Тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, квалифицирован нами как “*homo transformativus*”, т.е. человек, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существования за его счет, хотя в то же время он постепенно начинает действовать, исходя из своих частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли².

В предпринимательстве “*homo transformativus*” приобретает особенную форму, корни его уходят в командную экономику.

Даже в условиях командной экономики рыночная экономика (а точнее, ее отдельные элементы) все равно не была на сто процентов исключена. Она была настолько подавлена государством, что существовала лишь в “теневом” секторе³. В условиях командной экономики ни один директор (за редким исключением) в принципе не мог так руководить предприятием, чтобы не нарушать законы, установленные существующим режимом, так что в отдельных случаях имело место использование элементов рыночной экономики и потому эта деятельность относилась к “теневому” сектору. Несмотря на это, такие директора в условиях командной экономики не стали и

¹ Абалкин Л.И. Поиск самоопределения. Отечественная школа экономической мысли на рубеже веков. – НГ-Политэкономика (Приложение к “НГ”), № 15 (56), 5 ноября 2000 г.

² Папава В. Доктрина рыночного равенства: вопросы теории и ее приложения к процессу посткоммунистической трансформации. – Общество и экономика, 1999, № 12; Papava V. The Georgian Economy from “Shock Therapy” to “Social Promotion”. – Communist Economies & Economic Transformation, 1996, Vol. 8, No.8; Papava V. The Georgian Economy: Main Directions and Initial Results of Reforms. In: Systemic Change in Post-Communist Economies. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Ed. by P.G.Hare. London, 1999.

³ Например: Шохин А.Н. Социальные проблемы Перестройки. М., с. 57-83.

принципиально не могли стать предпринимателями рыночного типа, ибо их поведение было сковано политическим прессом существующего коммунистического режима. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что эти директора предприятий, использовавшие в своем поведении элементы рыночного типа, назывались не “предпринимателями”, а “дельцами”.

После крушения командной экономики бывшие дельцы в большинстве случаев сумели сохранить за собой места директоров в государственном секторе, а при их приватизации воспользовались правами трудовых коллективов и стали собственниками соответствующих предприятий¹, и независимо от того, нанимали они менеджеров или нет, особенно на начальном этапе постприватизационного периода, старались своим “мышлением дельца” управлять деятельностью этих предприятий.

Как “*homo transformativus*” это еще не “*homo economicus*”, так и бывшие дельцы не могли превратиться в предпринимателей. “*Homo transformativus*” в предпринимательской сфере приобретает “титул” *постдельца* (из-за исключительно советского происхождения этого феномена и в английском целесообразно сохранить русское звучание – “*Post-Delets*”)².

Именно **постдельцы** стоят “за спиной” некроэкономики как в государственном, так и частном секторе, именно они являются “инициаторами” поведения, соответствующего “рутине” командной экономики. Постдельцы, используя старые “связи”, проникают в государственные структуры (как в парламент, так и в правительство) и своим влиянием стараются политически оправдать и продлить существование некроэкономики.

Однозначно можно сказать, что некроэкономика служит интересам постдельцов, и пока они не будут “замещены” на базе соответствующих институциональных реформ предпринимателями, некроэкономика всегда будет иметь серьезную почву.

Завершение процесса посткоммунистической трансформации экономики. Явно отрицательное влияние некроэкономики на развитие посткоммунистических стран не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо выявить и задействовать тот механизм, который решит проблемы “мертвых” предприятий в “автоматическом” режиме, характерном для рыночной экономики. Иными словами, данный механизм должен обеспечить повсеместное распространение рыночных принципов экономического устройства. Ключ к решению проблемы лежит в вышеупомянутой эволюционной теории экономических изменений.

Особого внимания со стороны государства требует пятая группа фирм посткоммунистической экономики – частный сектор, созданный исключи-

¹ Ослунд А. “Рентоориентированное поведение” в российской переходной экономике. – Вопросы экономики, 1996, № 8.

² Papava V., Khaduri N. On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An Institutional Analysis. – Problems of Economic Transition. 1997, Vol. 40, No. 6.

тельно за счет частных инвестиций. Государство должно содействовать ее укреплению и расширению, заботиться о создании той стабильной политической и макроэкономической среды, когда за счет частных инвестиций будут появляться новые фирмы. Нужно учитывать, что велика опасность формирования «рутины» в этой группе фирм.

Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счет повсеместного расширения пятой группы. Несмотря на естественную «непривлекательность» тех фирм из пятой группы, которые создавались за счет «секондхэнд инвестиций», они в условиях существования надлежащей законодательной базы практически не могут стать источником создания некроэкономики, так как их (фирм) формирование происходит по принципам рыночной экономики, из-за чего соответствующая ей «рутина» при потере конкурентоспособности обеспечивает «уход» с арены фирмы, если она подчиняется рыночным механизмам

Что же касается второй и четвертой групп, то независимо от того, принадлежит ли данное конкретное предприятие все еще государству или уже приватизировано, оно безотлагательно требует привлечения новых инвестиций за счет продажи соответствующей доли собственности или по крайней мере путем передачи права управления на долгосрочный период стратегическому инвестору; в противном случае значительно возрастает вероятность того, что витаэкономика из второй и четвертой групп перерастет в некроэкономик, соответственно, в первой и третьей группе.

Как отмечалось выше, приватизация сама по себе вовсе не приводит к уничтожению некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытого международного тендера с целью выявления стратегического инвестора, которому конкретный «мертвый» объект (а точнее, право начать соответствующее стратегическое для данной страны производство в стенах «мертвого» объекта) будет передан с правом управления на долгосрочной основе. Не исключено, что этот шаг может оказаться стратегическому инвестору недостаточным, и тогда государству необходимо пойти на приватизацию данного объекта, даже при символической цене, ибо «мертвое» предприятие дорого стоить не может.

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некроэкономики.

Единственной правильной оценкой подавляющей части материально-технической базы некроэкономики является то, что это не что иное, как металлолом. Следовательно, уничтожение (в прямом смысле) некроэкономики возможно путем непосредственной продажи металлолома, в том числе путем экспорта, ибо этот экспорт его (металлолома) владельцу дает доход в твердой валюте, что в принципе может быть использовано для создания витаэкономики.

“Рутина”, соответствующая командной экономике, сохраняется, т.к. тормозится признание того факта, что “мертвые” машины и оборудование — это всего лишь металлолом. Отсутствие этого признания мешает (а порой и побуждает запрещать) торговать им (тем более это касается его экспорта). В итоге продлевается существование некроэкономики.

Теоретически ясно, что действенный механизм уничтожения некроэкономики непосредственно связан с законодательством о банкротстве. Пример Грузии показывает, что хотя в стране закон о банкротстве, проект которого был подготовлен иностранными экспертами на основе обобщения мирового опыта, был утвержден парламентом несколько лет тому назад, к сожалению, он оказался “мертворожденным”, т.е. “некрозаконом” ни одно фактически обанкротившееся предприятие в Грузии не обанкротилось юридически. Объясняется это тем, что этот закон не “вписался” в существующие в стране институты.

То, что происходит с законом о банкротстве в Грузии, является наглядным подтверждением того, что новые институты в посткоммунистических странах создаются под давлением международных финансовых институтов по западным образцам путем сознательной непосредственной имитации западных оригиналов¹. В результате институты, соответствующие развитой рыночной экономике в странах, находящихся в переходном периоде посткоммунистической трансформации, зачастую нежизнеспособны, а в худшем случае могут инициировать и негативные эффекты. Здесь уместно вспомнить, что Международный валютный фонд часто подвергается справедливой критике по поводу форсированного и в то же время упрощенного подхода к институциональным реформам, в результате чего страдает процесс утверждения рыночной экономики².

Уничтожение некроэкономики возможно исключительно путем создания институтов, способствующих процессу посткоммунистической трансформации. Безошибочным же индикатором завершения этого процесса является ликвидация самого феномена некроэкономики.

¹ Шаванс Б., Маньян Э. Постсоциалистические траектории и западный капитализм. — Мировая экономика и международные отношения, 1999, № 12.

² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). — Вопросы экономики, 1999, № 7; Stiglitz J. Whither Reforms? Ten Years of the Transition. — Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30, 1999. Washington, 1999.